

Мельникова Татьяна Викторовна

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ КАЗАЧЕСТВА И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ
ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ**

Статья раскрывает проявление социокультурной замкнутости казачьего социума, а также причины и условия для сохранения целостности уклада казаков. Предприняты попытки определить ценностные ориентиры, бытовавшие в казачьей среде. Автором проанализирована специфика языковой реализации изолированности казачества в художественных текстах. Основное внимание уделяется характеру лингвистической представленности военной миссии казаков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 114-116. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81.27

Филологические науки

Статья раскрывает проявление социокультурной замкнутости казачьего социума, а также причины и условия для сохранения целостности уклада казаков. Предприняты попытки определить ценностные ориентиры, бытовавшие в казачьей среде. Автором проанализирована специфика языковой реализации изолированности казачества в художественных текстах. Основное внимание уделяется характеру лингвистической представленности военной миссии казаков.

Ключевые слова и понятия: социокультурная изолированность; субэтнос; самобытность; самосознание; лексемы; языковые средства.

Мельникова Татьяна Викторовна

Институт управления (филиал) в г. Волгограде

Mel_tania@mail.ru

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ КАЗАЧЕСТВА И ОСОБЕННОСТИ
ЕЕ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ[©]**

Казачество, благодаря особым социокультурным условиям своего зарождения и развития, является настоящим феноменом. Его общественная организация, быт, культура, идеология, этнопсихический уклад, поведенческие стереотипы, фольклор всегда заметно отличались оригинальностью, самобытностью, непохожестью на других. Казачество, являясь особым субэтносом русского народа, соединило в своей истории и культуре психотипы и элементы быта и нравов многих народов – русских, украинцев, калмыков, бурят, башкир, татар, эвенков, осетин и других - в единое целое.

Говоря о казачестве как об особом социальном сообществе, необходимо упомянуть о том, что представители казаков всегда стремились подчеркнуть свою исключительность, жили замкнутыми общинами, часто избегая смешанных браков, считая русских и представителей других наций чужаками. Это отмечается и в текстах художественных произведений, ср.: *«русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо»* [3, с. 17]. Иногда смешение казаков с другими народами все же происходило в силу определенных географических и социальных обстоятельств, однако и тогда у казаков сохранялись гордость и осознание себя особой этнической группой, ср.: *«Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там, во всей чистоте, русский язык и веру»* [Там же, с. 16]. Ф. В. Тумилевич, изучавший историю казаков-некрасовцев и их вынужденное переселение в Турцию, отмечает факт изолированного проживания, которое и создавало условия для сохранения казачьей общины и культуры предков [4, с. 22]. Кроме того, это позволило уберечь родной язык и православную веру.

Уникальность языка казачества неоднократно подчеркивалась как в специальной, так и в художественной литературе. Например, в исследованиях ученых Е. В. Брысиной (1999 г., 2000 г., 2001 г.); Р. И. Кудряшовой (1976 г., 1996 г., 1997 г., 1999 г.); Л. М. Орлова (1953 г., 1970 г., 1976 г.) и др., предметом изучения которых являлся комплекс диалектных черт донских казачьих говоров, подчеркивается влияние устойчивого самосознания казаков на степень сохранности говоров Донской группы. Кроме того, язык донского казачества, в отличие от других переселенческих говоров, соседствующих с казачьими, подвергается воздействию только литературного языка, и то незначительно.

Большое значение для поддержания сплоченности казачества и невозможности его ассимилирования с другими (особенно мусульманскими) народами имело то, что казаки были глубоко верующими людьми, это отмечается и на страницах художественных произведений. Для подобного рода характеристики в художественных текстах используются лексемы и устойчивые выражения религиозной тематики, ср.: *«по казачьей, с детства усвоенной привычке проговорив: «отцу и сыну», пожал шишечку спуска»* [3, с. 34], *«он разделся, перекрестился и, подпрыгнув, со всплеском вскочил в воду...»* [6, с. 37], *«проходя мимо церкви, казаки сняли фуражки, стали рядом и, делая постное лицо, замахали руками, тыча себя сложенными трехперстиями в лоб, грудь и плечи (скупой служивый крест)»* [5, с. 120].

Известным является и тот факт, что близость казаков к чеченцам, например, была обусловлена особенностями характера и темперамента, поведенческих стереотипов, принятых в их социуме, ср.: *«Он (казак) уважает врага-горца, но презирает чужого для него и угнетателя солдата»* [3, с. 17], (ср. в этом отношении широко распространенную среди казаков поговорку: *Руби меня, татарская сабля; не бей меня, царская плеть!*), *«Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими, и любовь к свободе, праздности, грабежу и войне составляют главные черты их характера»* [Там же, с. 16].

При описании особенностей казачества как социально изолированного сообщества авторы художественных текстов в качестве языковых средств, позволяющих особым образом отметить противопоставленность казачества другим народам, чаще всего используют контекстуальные антонимы: казак – товарищ, казак – пяти-тысячник, служивый – коваль, казак – мужик, казаки – хохлы, хуторяне – станичники и др. Поведенческие

стереотипы казаков связаны с возвышением, возвеличиванием себя самих, ср.: «казак... считает себя на высокой ступени развития и признает человеком только одного казака; на все же остальное смотрит с презрением» [Там же, с. 17]; с подчеркиванием своей независимости, любви к свободе, боевого духа и настроения, ср.: «любовь к свободе, праздности, грабежу и войне составляют главные черты их характера» [Там же, с. 18]. С другой стороны, многие авторы отмечают высокомерие казаков по отношению к другим, используя в описании глаголы, наречия и прилагательные с основой *презрен* – *презирать* [Там же], *презренно* [Там же, с. 50], *презренный* [Там же, с. 21], *с презрением* [Там же, с. 17].

Социальная изолированность казачества подчеркивается также лексемами *чужой* [Там же, с. 78], *дикий* [4, с. 178], *чуждо* [3, с. 18], *угнетатель* [Там же, с. 19] по отношению к «неказачьему роду». Следует отметить, что в современных донских говорах записано немало текстов, подтверждающих идею высокой самоидентификации казаков, их настойчивого стремления «отделить» себя от соседних народов, ср.: *У нас гаварять каймак, а смятана – эт у хахлоф* (Нехаевский район) [2, с. 22]; *Ды какия уш тут ф хутари казаки – многа приежжых, ат казакоф адни ахаботья астались!* (Чернышковский район) [Там же, с. 13], «*Мы люди старинной завкаски. Не чета теперешней молодежи*» [6, с. 97].

В некоторых случаях отличие казаков от остальной части населения России было обусловлено его более стабильным материальным положением: находясь на службе у государства, казак был более независим, чем, скажем, русский крестьянин. В текстах художественной литературы уровень относительного материального благополучия казачества часто выражен словосочетаниями, подтверждающими достаток казаков («*привилегированное положение*» [Там же, с. 112], «*пшеничные пироги*» [Там же], «*полный хозяин*» [Там же, с. 118], «*запасы хлеба*» [Там же, с. 225], «*продукты труда*» [Там же, с. 118], «*земли много*» [4, с. 15], «*земельный надел*» [Там же, с. 23]), неоднократно встречаются глагольные выражения, характеризующие качество жизни («*жил и лучше и шире*» [6, с. 112], «*здорово жила*» [5, с. 17]).

Самобытность казачества подтверждается и другими существовавшими особенностями, отличавшими казаков от другой части населения. Причиной тому явились особые военно-исторические и природно-климатические условия, выработавшие у казаков особый тип строительства жилых и хозяйственных построек. Важной особенностью являлось обязательное наличие нескольких дворов, амбаров, летней кухни, а при строительстве куреня учитывалась необходимость того, чтобы окна выходили в поле, а крыльцо – на улицу. Связано это с тем, что по традиции казачье жилище совмещало в себе не только среду обитания, но и оборонное сооружение. Курень свидетельствовал о социальном статусе хозяина, его характере, трудолюбии или лени, ср.: «...*вырезал из обрезков пару жестяных петухов... Веселили они мелеховский баз беспечным своим видом, придавая и ему вид самодовольный и зажиточный*» [1, с. 13; 8], «(дома) *опрятно покрыты камышом, с высокими князьками. Все – ежели не новы, то прямы, чисты*» [3, с. 19]. Никто, включая атамана, не имел права войти во двор казака без его разрешения, ср.: «*каждый казак – государь на своем дворе*» [4, с. 120], «*казак своему куреню голова*» [1, с. 398]. Наличие лексем *государь*, *голова* не только подчеркивает готовность казака всячески защитить свое «добро», но и гордость казака от осознания себя хозяином.

Быт казачества носил военизированный характер, казаки на протяжении веков являлись универсальным родом вооруженных сил. В художественных текстах отмечается, что «*нигде как здесь, среди казачества, не сказывалась с такой силой столетиями взращиваемая субординация, почитание старших по службе и по возрасту, беспрекословное подчинение начальству*» [6, с. 92]. «*Для того казак рождается, чтоб царю на службе пригодиться*» — гласит старинная казачья поговорка. В текстах художественной литературы неоднократно подчеркивается приоритет военной деятельности в жизни казака («*Мужское население станицы живет в походах и на кордонах, или на постах, как называют казаки*» [3, с. 22]). В произведениях находят отражение многочисленные наименования казачьих чинов и званий: *прапорщик, сидедец, урядник, сотник, румын* (пожилой казак, не участвовавший в войне), *хорунжий, батареец, офицер, вахмистр, есаул*; названия оружия казака: *шашка, боевые доспехи, ружье, винтовка, плеть, палаши*; награды и регалии: *лычки, кресты, медали, нашивки, погоны*. Все указанные лексемы служат формированию в художественных текстах образа казака-воина. Во все времена казаки считались великолепными наездниками, которым не было равных в искусстве джигитовки. Военные специалисты оценивают казачью конницу как лучшую в мире легкую кавалерию, ср.: «*На действительной службе в полку всегда первые призы забирал по скачке, по рубке и по джигитовке*» [7, с. 306]. Этот факт находит также свое отражение в многочисленных поговорках, выражающих неразрывную связь казака и коня, ср.: «*казаку конь себя дороже*», «*казак голоден, а конь его сыт*», «*казак без коня, что солдат без ружья*», «*конь – душа казака*», «*конь возит и воду, и воеводу*», «*побереги коня один раз, а он тебя – десять раз*», «*казак с конем и ночью, и днем*», «*казак без коня кругом сирота*», «*казак без коня не проживет и дня*», «*добрый конь в беге, что сокол в полете*» [1, с. 403] и др. Порой конюшня была крепче и дороже, чем само казачье жилище, что также подтверждает всю важность коня в жизни казака. В текстах художественной литературы неоднократно встречаются примеры, описывающие значение коня для всего казачества, ср.: «...*лошадей мне блюди, чтобы все были хоть нынче в строй!*» [7, с. 130]. Часто возникают ассоциации, связанные с такими качествами коня, как сила, резвость, быстрота и его внешний вид. В связи с этим в языке часто возникают метафорические отношения, ср.: «*Вишь, и девка такая же дикая!... Ровно кобылка табунная*» [3, с. 87]. Встречаются сравнения с конем, например, скопление людей нередко сравнивалось с табуном, ср.: «...*обхватил целый табун девок*» [7, с. 51]; распространены и такие словесные обороты, как «*стоялый жеребец*» [Там же, с. 334], характеризующий молодого и физически сильного человека, «*бегать конем*», что значит быстро и резво; лексемы «*коневитый*», «*конистый*», то есть имеющий хорошую осанку, стройный.

Учитывая военную направленность деятельности казака, следует сказать и о ценностном значении казачьей формы, поскольку она являлась своеобразным символом казачьего звания. Форменная одежда показывала отличие казака от других людей, демонстрировала его социальный статус, особенности культуры («погоны без нашивок, - значит из рядовых» [6, с. 156], «По их говору, форме и цифрам на погонах легко было определить, что люди эти в большинстве — из казачьих полков» [Там же, с. 324]. Как знак принадлежности к казачеству, форма должна носиться обязательно, поэтому только при полной форме атаман приступал к исполнению своих официальных обязанностей («за столом, во всех своих регалиях — урядничьи лычки, позеленевшие, во всю грудь медали — сидел хуторской атаман» [Там же, с. 159]. Так как форма не только определяла статус казака, но и отличала его от «неказаков», она была особой ценностью в жизни казачьего сословия и носилась часто с удовольствием, нередко с щегольством, ср.: «Офицерский мундир на нем с иголочки, белые погоны блестят на солнце», «парадный вицмундир с позументами на рукавах и воротнике плотно облегал его крутые плечи. На голенища лакированных щегольских сапог струились красные лампасы брюк. На плечах сверкали серебряные погоны» [Там же, с. 139]. В художественных текстах часто употребительными лексемами при описании внешнего вида казаков-воинов являются *оружие, шашка, лампасы, рубаха, мундир, ремень, погоны, лычки, медали, папаха*. Видимо, именно эти элементы форменной одежды являлись неотъемлемой частью военной деятельности казака и поэтому стали своеобразными символами, формирующими его образ в художественной литературе.

Особенность казачества и его непохожесть на другие народы также во многом определяется приоритетом военной деятельности. Например, казаки практически не имели ремесел, особенно в начале своего становления, ср.: «казаки почти сплошь не знают никакого ремесла — ни кузнечного, ни плотничного, даже молотка как следует не могут взять в руки...» [5, с. 120]. Постепенно ситуация изменилась, однако кузнецы, сапожники, шорники и другие носители ремесленного мастерства были редким явлением среди казачьего социума.

Помимо перечисленных черт, подчеркивающих изолированность казачества, важным является внешнее проявление характера казаков. Распространенными при описании особенностей нрава казаков являются качественные прилагательные: «молодой и заносчивый» [6, с. 342], «строг и важен» [Там же, с. 233], «отрывистый» [5, с. 57], «скандальный» [6, с. 418]; существительные: «спесь» [3, с. 24], «важность» [Там же, с. 18], «склонность к разбою» [Там же, с. 18]. Интересны в плане анализа характера казаков описательные конструкции, встречающиеся в художественных текстах, ср.: «какой молодец Алексей, что свою голову ни перед кем не гнет, не ломает шапки! Вот она, парамоновская порода!» [6, с. 196], «гоголем воссел на козлы» [Там же, с. 207], «уж такой был у Петра Васильевича норов: вздумает что — так не удержишь» [Там же, с. 522], «у казаков случалось: друг другу в спорах залапят по морде» [Там же, с. 439]. Осознание себя особым классом представителями казачества, как показывают примеры, приводит к тому, что и в обыденных ситуациях казаки вели себя важно, а иногда и заносчиво.

Внешние поведенческие и речевые стереотипы, нравственное самосознание и культурные традиции, существовавшие в казачьей среде, обуславливают те особенности, в рамках которых бытует казачество. Все это, а также стремление казаков сохранить существующие традиции характеризует казачество как самобытное социокультурное сообщество. Анализ фактического материала позволяет выявить не только противопоставленность казаков другим народам, но и приоритетный характер военной деятельности в жизни казачества, поскольку языковые средства в художественных текстах чаще всего служат формированию образа казака-воина.

Список литературы

1. Берков В. П., Мокниенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц. М.: АСТ; Астрель; Рус. словари, 2005. 623 с.
2. Брыкина Е. В., Кудряшова Р. И., Супрун В. И. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Волгоград: Издательство ВГИПК РО, 2007. Вып. 3. К-Н. 516 с.
3. Толстой Л. Н. Казаки. Кавказская повесть. Волгоград: Нижн.-Волж. кн. изд., 1977. 160 с.
4. Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Кн. Изд-во, 1961. 402 с.
5. Сухов Н. В. Донская повесть. Наташина жалость. Повести и рассказы. Волгоград: Нижн.-Волж. кн. изд., 1973. 256 с.
6. Сухов Н. В. Казачка: роман. Волгоград: Нижн.-Волж. кн. изд., 1970. 576 с.
7. Шолохов М. А. Поднятая целина. Изд-е 3-е. М.: Просвещение, 1977. 559 с.
8. Шолохов М. А. Тихий Дон: роман: в 4-х кн. М.: Художественная литература, 1975.

SOCIAL-CULTURAL MARKEDNESS OF THE COSSACKS AND FEATURES OF ITS VERBAL REPRESENTATION IN LITERARY TEXTS

Mel'nikova Tat'yana Viktorovna
Institute of Administration (Branch) in Volgograd
Mel_tania@mail.ru

The author reveals the manifestation of social-cultural isolation of Cossack socium, as well as the reasons and conditions for preserving the integrity of Cossack lifestyle, undertakes the attempts to determine the value guidelines, which were common in Cossack environment, analyzes the specificity of language implementation of Cossack isolation in literary texts, and pays special attention to the nature of the linguistic representation of Cossack military mission.

Key words and phrases: social-cultural isolation; sub-ethnos; distinctive character; self-consciousness; lexemes; language means.